

Михаил Геллер. Отщепенец — это звучит гордо¹¹

Гомо сапиенс — человек разумный — плод длившейся миллионы лет эволюции, до недавнего времени считался венцом творения. В книге, вышедшей несколько лет назад в Москве, утверждается, что возникновение гомо сапиенс было лишь подготовкой к следующему этапу, который начался 25 октября (по старому стилю) 1917 года. За минувшие шестьдесят с лишним лет был создан подлинный венец творения — гомо советикус.

Изучением этого необыкновенного феномена занимаются философы и физиологи, социологи и биологи, писатели. Прежде всего — советские. Для них нет никакого сомнения: если даже у гомо советикуса наблюдаются некоторые мелкие недостатки, легко объясняемые не совсем нормально проходившим эволюционно-революционным процессом, то в основном этот новый человек — всем хорош. И, как верно подметил товарищ Сталин, на голову он выше любого западного чинуши. Занимаются изучением гомо советикуса и бывшие советские философы, социологи, писатели, оказавшиеся на Западе и получившие тем самым возможность не оглядываться на цензуру и органы.

Но и в свободных условиях писать о гомо советикусе трудно. Трудно, ибо каждый человек, родившийся и выросший в Советском Союзе, несет на себе родимое пятно. Остап Бендер был

¹¹ Русская мысль, 05.04.1979, с. 5.

поражен, узнав, что на каждого человека, даже на членов профсоюза, давит столб воздуха весом в триста килограммов. Воздух действительно давит, калечит, моделирует на советский лад.

Гомо советикус — понятие значительно более широкое, чем гражданин Советского Союза. За 30 лет господства советской идеологии в странах соцлагеря много сделано для создания нового человека. Гомо советикус фабрикуется коммунистическими партиями даже в тех странах, где они еще только идут к власти.

Для того, чтобы раскрыть суть этого универсального явления нашего века, необходимо одновременно заглянуть внутрь себя и бесстрашно рассказать об увиденном, и посмотреть на себя со стороны — бесстрастно и объективно. Трудное это дело удалось Александру Зиновьеву в «Зияющих высотах», в «Светлом будущем». Искры, выброшенные вулканическим извержением «Зияющих высот», продолжают падать. Такая искра — новая книга А. Зиновьева «Записки ночного сторожа».

Сюжет коротенькой книжки — предельно прост: жил себе ибанец, самый обыкновенный, трижды дрессированный и четырежды запуганный, работал в ИОАНе (Институт очковтирательства Академии Наук), и вдруг пискнул что-то на собрании, не то, что надо было. И немедленно — исключили из Братии, уволили из ИОАНа. Но это — присказка. А сказка: работает он ночным сторожем в Конторе, размышляет, разговаривает с товарищами, вместе с которыми подхалтуривает — ремонтирует квартиру Чину, влюбляется в секретаршу, дает ей почитать, что записывает из своих размышлений, а секретарша относит его записи в ООН (Органы охраны народа). Вот и все. Обыкновенный ибанизм.

Банальная эта история понадобилась писателю для того, чтобы задать вопрос необыкновенной важности, один из самых важных вопросов нашего времени: откуда берутся отщепенцы?

«Записки ночного сторожа» начинаются регистрацией факта: «Итак я — отщепенец». И дальше идет законный вопрос: «Что такое отщепенец?» Стандартный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова прежде всего предупреждает — в скобках — «неодобр», т. е. — слово неодобрительное. Затем объясняет: «Отщепенец — человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник». Словарь Владимира Даля, идеологической нагрузки не несущий, говорит: отщепенец — отщепившийся по разномыслию от общества, паствы, церкви; раскольник, отступник, еретик. А Зиновьев полагает, что точное определение слова знает только начальство, сам же он дает примерное описание. Отщепенец, — говорит ночной сторож, — «это ибанец, который набрался наглости публично высказать свое мнение, не соглашающееся с мнением начальства, а значит — и с мнением всего остального ибанского народа, ибо ибанское начальство только тем и занимается, что выражает думы и чаяния ибанского народа».

Отщепенец непонятным образом появляется в ибанском обществе. Общество это изображено в «Записках ночного сторожа» в виде Конторы, где каждый — от уборщицы до Чина — занимает свое место в сложнейшей иерархической системе, получая причитающиеся ему — строго по рангу — привилегии. Не только страх, но и привилегии — от самых разнообразных благ, недоступных рядовым ибанцам, до возможности бездельничать на работе, доступной и рядовым ибанцам, — сплавивают ибанское общество. Третий склеивающий общество материал — идеология, которую А. Зиновьев называет системой антиощенок. Оценка действий и способностей индивидов зависит в этой системе от социального положения индивидов, их намерений, их официальных заявлений о своих действиях и т. д. «Например, высшее начальство принимает решение прорыть канал из пункта А в пункт В и приказывает начать это делать. По общим принципам оценок и по правилам оценок технического и экономического порядка данное решение может быть оценено как в высшей степени идиотское. Но по ибанским правилам оно оценивается как верх гениальности... Данная оценка получена как функция от намерений (облагодетельствовать народ, не ждать милостей у природы и т. п.), от социального ранга

решающих (высшие чины, а они по определению гении), от особенностей ситуации (жрать нечего, надо ширли-мири выращивать за полярным кругом) и т. п.». В результате, констатирует писатель, «поскольку ибанская система оценок антиоценок разработана с величайшей тщательностью и внедрена во все сферы жизни, то нет ничего удивительного в том, что ибанцы называют шедеврами идиотские фильмы, картины и книги, расхваливают плохо сшитые костюмы и гнилую картошку, возводят в гении потрясающе глупых руководителей и т. д.».

Давным-давно Маяковский рассказал о том, как крошка сын к отцу пришел и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо? Сегодня ибанские дети с молоком матери всасывают систему антиоценок, на страже которой бесценно стоит Теоретик — Заместитель Заведующего Ибанском по вопросам идеологии. Великолепный портрет Теоретика, «человека слабого здоровья, который поэтому живет бесконечно долго», играющего решающую роль в снятии и назначении Заибана — одно из самых блестящих мест в «Записках ночного сторожа».

Более полувека назад Евгений Замятин предвидел появление гомо советикуса и ибанского общества. Об этом сказано в «Послании Замутия, епископа обезьянского»: «В послушании терпеливом мудро содержат иноков старцы, и на всякое слово старца иноки отвечают: аминь, хотя сказал, бы испугуя инока, старец, что не два ока у него, а три. И нет здесь, как в иных, языческих землях пагубного разномыслия и разноглаголения, но все — поистине стадо единое».

И внезапно появляются в «стаде едином» — отщепенцы. Появляются люди, отпадающие от стада, начинающие мыслить по-своему, иначе. Как, почему?

Никто не знает, а все те, кто утверждает, что знают, дают разные ответы. В том числе даже, что это «мутация в генах». Один из ответов, которые дает А. Зиновьев, заслуживает особого внимания. Общество, — говорит он, — «нуждается в отщепенцах и производит их регулярно и систематически. Оно борется с ними, но оно и нуждается в них. Зачем? Чтобы бороться с ними! Это — один из интереснейших парадоксов коммунистического общества. Отщепенец нужен для того, чтобы в борьбе с этим внутренним врагом общество сплачивалось, становилось единым и монолитным».

Справедливость этого наблюдения не вызывает сомнения. Необходимо, однако, добавить, что появление подлинного отщепенства вынудило руководителей советской идеологии заняться созданием собственных «отщепенцев», «наших советских отщепенцев», наголову выше любого антисоветского отщепенца. В биологии это называют — мимикрией. Внешняя окраска и форма похожи, внутренняя суть — совершенно иная. И если были бы нужны доказательства значительности того, что называют «диссидентством», а что можно назвать — отщепенством, лучшим — может быть стремление советской идеологии совратить инакомыслие, заставить его служить — единомыслию. Советская идеология использует не только административные меры для борьбы с тем, что ей враждебно, она коррумпирует человеческие чувства, выворачивает их, превращая в чувства античеловеческие. Когда идеология не в состоянии справиться с противником, она пробует его совратить. В последнее время делается, например, попытка «приручения» религии. В альбоме, посвященном иконе Владимирской Богородицы, говорится, что Богоматерь благословила русский народ на Великую Октябрьскую Социалистическую революцию, в изданном многомиллионным тиражом романе лауреата и орденосца секретарю обкома, любимцу Сталина, является Сергей Радонежский и благословляет на плодотворную партийно-государственную деятельность. Печатаются книги, организуются выставки картин, ставятся спектакли, имитирующие отщепенцев, но укрепляющие стадное чувство.

А. Зиновьев предупреждает об опасности разрешенного властью отщепенства. В советско-ибанском обществе не может быть «отщепенства Ее Величества». Если правда одобрена официально, — заявляет писатель, — «она самим фактом одобрения впитывает ложь». Скептик и рационалист Александр Зиновьев подтверждает своими книгами подлинность пророче-

ского видения Владимира Соловьева, изобразившего в гениальных «Трех разговорах» мир, в котором Добро поставлено на службу Антихристу.

«Записки ночного сторожа» — книга о том, как трудно быть отщепенцем. И о том, как нужно быть им. Ибо, как писал Е. Замятин, «мир живет только еретиками».